

На правах рукописи

ГАЙНУТДИНОВА АДЕЛЯ РАВИЛЕВНА

ПРОФЕТОЛОГИЯ КОРАНА:
ИСТОРИИ ПРОРОКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ КОРАНИЧЕСКОГО
ТЕКСТА

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литературы азиатского региона)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

М о с к в а

2008

Работа выполнена на кафедре арабской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Д.В. Фролов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
Д.В. Микульский

кандидат филологических наук,
доцент Н.Т. Ковыршина

Ведущая организация: Московский Государственный Институт
Международных Отношений
(Университет) МИД России

Защита диссертации состоится «24» апреля 2008 г. в 16.00 часов
на заседании диссертационного совета Д 501.001.33 по филологическим наукам
(литературоведение) ИСАА МГУ по адресу: 103911, г. Москва, ул. Моховая, д.
11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИСАА МГУ (103911, г.
Москва, ул. Моховая, д. 11)

Автореферат разослан «14» марта 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. Репенкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из аспектов мусульманского вероучения, основы которого изложены в Коране, является особая историческая концепция, входящая неотъемлемой частью в мировоззрение ислама. Священная история ислама имеет одновременно много общего с библейской историей и ряд существенных отличий, обусловленных различиями между самими религиозными учениями. Для писания ислама историческая перспектива воплощается, прежде всего, в череде пророческих историй, повторяющихся из суры в суру (так называются главы Корана) и образующих стержень мировой истории. Именно пророческие истории, на которые приходится почти половина коранического текста, образуют в значительной степени его повествовательный компонент и в силу этого могут являться объектом литературоведческого анализа, как с точки зрения построения и внутренней организации самих этих историй, так и с точки зрения той роли, которую они играют в общей композиции Корана.

Таким образом, **предметом** диссертационной работы являются рассказы о пророках в Коране. Основное внимание уделено структурно-композиционному аспекту, который, разумеется, не может быть изолирован и от содержательного аспекта, равно как и от анализа особенностей стилистики и поэтики пророческих историй. Исследуется эволюция структуры, содержания и композиции историй о пророках от самых ранних к самым поздним сурам в составе коранического свода. В силу того, что истории о пророках играют важную роль и в составе Библии, причем личности многих пророков, упомянутых в обоих текстах, совпадают, в работе проводится сопоставление библейских и коранических рассказов с целью установления моментов общности и различия в трактовке тех или иных образов или повествовательных элементов. Анализ коранических пророческих историй в содержательном, структурно-композиционном, историческом и сопоставительном аспектах – так можно сформулировать исследовательскую задачу настоящей работы.

Актуальность. Образы пророков вызывали огромный интерес не только у средневековых богословов и писателей, которые посвящали им многочисленные

трактаты и исследования. Растет интерес к пророческим сюжетам в Писании ислама и у современных ученых, равно как и в широких кругах общественности. Это связано с общим возрастанием интереса к истории, поскольку мусульманская историческая концепция вырастает из коранического материала. В современном мире все больше внимания уделяется сопоставлению священной истории в писаниях различных вероучений Ближнего Востока, что способствует выявлению как общего, так и различного в вероучениях разных религий, а это, в свою очередь, помогает достижению взаимопонимания между религиями и развитию диалога между ними. Кроме того, чисто литературная специфика пророческих историй в Коране обусловила то, что на их основе выросло огромное число легенд, преданий и сказок, составляющих значительную часть фольклора многих народов. В силу этого тема настоящей работы оказывается весьма актуальной, поскольку она создает фундамент, позволяющий ставить и решать многие исследовательские задачи исторического, литературного и фольклорного характера в изучении культур и литератур стран мусульманского Востока.

Научная новизна. При всей актуальности и значимости выбранной темы, специальных работ, посвященных изучению историй пророков в Коране, в отечественном востоковедении очень мало. Исключение – работы М.Б. Пиотровского и Т. Ибрагима и Н. Ефремовой, которые мы использовали в нашей диссертации. Есть два существенных отличия в подходе, выбранном в нашей работе, от работ предшественников, как в российской, так и в мировой арабистике. Во-первых, мы исходим из того, что рассказы о пророках в Коране представляют собой не изолированные друг от друга, а взаимосвязанные между собой повествования, которые имплицитно воплощают в себе определенную концепцию священной истории. Во-вторых, каждая история состоит не из разрозненных, неупорядоченных версий рассказа, а образуют тематически и композиционно структурированное целое, которое, вместе с упорядоченностью

рядов пророческих историй, выступает в качестве важного элемента поэтики¹ коранического текста. Эту упорядоченность материала о пророках в Коране, как в содержательном (вероучительном), так и в структурном (композиционном) плане, мы называем словом «учение». Подобный подход позволяет увидеть многие аспекты пророческих историй, которые остаются незаметными при анализе каждой истории отдельно от других, как чаще всего бывает в известных нам работах.

Цель и основные задачи исследования. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проанализировать роль и место коранических историй в тексте Писания ислама.

Для реализации данной цели в работе поставлен ряд основных задач:

1) Рассмотреть такое специфическое для поэтики Корана явление как «пророческий ряд», аналогов которому мы не находим в Библии и которое, отчасти в силу этого обстоятельства, не привлекало внимания исследователей.

В работе предлагается типология пророческих рядов, которые представляют собой взгляд на разные периоды истории человечества согласно исторической концепции ислама, исследуется генезис основных типов от периода к периоду в истории коранического текста, рассматриваются формульные элементы, используемые в построении этих рядов.

2) Рассмотреть различные версии коранических рассказов о том или ином пророке, выделить общее и отличное в разных версиях и на этой основе проанализировать как структуру отдельных версий, так и типологию рассказов в связи с задачами коранической проповеди в разные периоды или в разных сурах. Для анализа были выбраны как пророки «аравийского цикла» (Худ, Салих), так и библейского (Адам, Ибрахим, Лут).

¹ Мы исходим из общего определения термина «поэтика» (см. М.Л. Гаспаров. Поэтика. – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003, с. 786-793) как дисциплины, которая изучает «законы внутренней связи и соотношения различных уровней» произведения, выделяет и систематизирует элементы текста, участвующие в формировании его эстетического и смыслового строя. В работе данный термин относится, прежде всего, к исследованию аспектов построения коранического текста, в то время как его художественных особенностей мы практически не касаемся.

3) Исходя из того, что разные версии в каком-то смысле дополняют друг друга и могут рассматриваться как части единого целостного рассказа о пророке, имеющего, если речь идет о библейских пророках, много общего с библейским повествованием, сделать реконструкцию сводной, «синоптической» истории наиболее важных для Корана пророков, последовательно проследив параллели с соответствующими рассказами, изложенными в Библии. В качестве объектов для исследования были взяты образы Мусы (Моисея) и 'Исы (Иисуса), поскольку именно эти фигуры наиболее важны для изучения взаимоотношений между «авраамическими» религиями.

Методологическая база исследования. Адекватного понимания сути какого-то раздела вероучения в какой-то отдельной религиозной традиции трудно достичь без сопоставления данных и фактов разных религиозных учений. Поэтому, хотя наша диссертация посвящена мусульманскому учению о пророках, мы по мере возможности будем пользоваться элементами **сравнительного** подхода.

Второй составляющей метода, выбранного в работе, является **историчность** подхода, которая реализована в том, что мы исходим в анализе из четкой дифференциации слоев традиции: Писание, предание (хадисы), коранические комментарии (тафсиры), причем в исследовании Корана мы принимаем во внимание его внутреннюю хронологию и периодизацию, см. ниже.

Третий элемент метода, принятого нами в работе, – **филологизм** подхода, реализуемый в том, что рассматриваемые коранические тексты мы исследуем с учетом их жанровых, композиционных и стилистических особенностей, а также с учетом общей текстологической характеристики Корана в целом.

Эти три составляющие методологической основы работы: филологическая, историческая и сравнительная, и определяют лицо работы и выбранного в ней исследовательского подхода.

Материал исследования. Материалом исследования является как сам коранический текст, так и, по мере надобности, различная околораническая, в том числе и экзегетическая литература. В работе мы исходим из периодизации,

предложенной Д.В. Фроловым, согласно которой суры Корана делятся на три периода: раннемекканские, позднемекканские и мединские. При цитировании Корана мы используем, прежде всего, перевод акад. И.Ю. Крачковского, привлекая в отдельных случаях и другие переводы Корана, а в ряде случаев предлагая и собственную интерпретацию текста.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре арабской филологии ИСАА МГУ. По материалам исследования опубликовано 4 работы, в том числе монография «Образы пророков в Коране» (М., 2002). Автор неоднократно выступал с докладами по теме диссертации на Ломоносовских чтениях МГУ, на кафедре арабской филологии и на конференциях в рамках отделения исламоведения при кафедре. Материалы диссертации использовались при чтении спецкурсов по Корану.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Настоящая работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения.

Во **введении** формулируется цель и задачи исследования, дается характеристика актуальности и новизны выбранной темы, содержится краткий обзор истории исследования пророческой темы в Коране и характеристика источниковедческой базы исследования.

Глава 1 «Общие сведения о пророках в Коране» содержит информацию общего характера и представляет собой своего рода введение к последующим главам.

Глава состоит из пяти разделов: «Вводные замечания», «Общая характеристика материала о пророках в Коране», «Список пророков (по Суйути)», «Персонажи с неопределенным пророческим статусом» и «Выводы».

В разделе «Вводные замечания» приводятся сведения о числе пророков в Коране, формулируются два основополагающих принципа мусульманского вероучения о пророках и пророчестве, изложенные в Коране: признание

существования большего числа пророков, чем те, что упомянуты в нем, и вера в то, что каждому народу был послан хотя бы один из них.

В этом же разделе говорится об иерархической концепции пророчества, являющейся отличительной особенностью коранического вероучения. Речь идет о различении двух уровней пророков: пророков (*nabiyy*)², т.е. тех, кому было дано откровение, и пророков-посланников, или просто посланников (*rasūl*)³, т.е. тех, кому было дано откровение от Бога, и кто был послан с определенной миссией к людям. Каждый посланник, в число которых обычно включаются Нух, Худ, Салих, Лут, Исма‘ил, Шу‘айб, Муса, ‘Иса и Мухаммад, является пророком, тогда как не каждый пророк может считаться посланником.

В разделе «Общая характеристика материала о пророках в Коране» перечисляются по имени все двадцать пять упомянутых в Коране пророков, вкратце приводится сопоставительный библейский материал, а также выделяются группы так называемых «аравийских пророков» (Худ, Салих, Шу‘айб, Мухаммад) и персонажей, относительно пророческого статуса которых существовали разные мнения (Тубба’, ‘Узайр, Зу-л-Карнайн).

В разделе «Список пророков (по Суйути)» дается общая характеристика сведений о пророках с использованием материала, собранного в труде знаменитого корановеда средневековья Джалал ад-Дина ас-Суйути «Совершенство в коранических науках», полный перевод соответствующего текста которого, выполненный нами, составляет приложение к работе. Из обширного круга вопросов, интересовавших мусульманских богословов и историков, Суйути выделил следующие темы, суммировав по каждому из них данные традиции: а) генеалогия каждого упомянутого в Коране Божьего избранника; б) его возраст или срок его пророческой миссии; в) точное имя, включая вопрос о его этимологии.

² Этот термин – общий для Библии и Корана.

³ Термин «посланник» - очень частотный в Коране, намного превосходящий по частоте употребления термин «пророк». Суммарное количество коранических контекстов для «посланника» - 331 (в единственном и множественном числе), в то время как термин «пророк» встречается в Коране лишь 87 раз. Это связано с тем, что, как мы увидим ниже, в Коране гораздо чаще рассказываются истории посланников, чем просто пророков.

Помимо общих сведений о том или ином пророке, в данном разделе мы приводим список коранических сур, содержащих более или менее подробный рассказ о пророке, а также список аятов, упоминающих о нем.

В разделе «Персонажи с неопределенным пророческим статусом» дается общая информация о вышеупомянутых трех личностях, также упоминаемых в Коране: ‘Узайре, Тубба’ и Зу-л-Карнайне. В Книге не сообщается, были ли данные персонажи пророками, однако существуют хадисы, которые не исключают такой возможности.

Раздел рассказывает о существовавшей среди мусульманских богословов двоякой – позитивной и негативной – трактовке образов ‘Узайра и Тубба’, о попытках ученых идентифицировать личности Тубба’ и Зу-л-Карнайна, а также о различных версиях, предлагаемых богословами для объяснения происхождения прозвища «Зу-л-Карнайн» («Двурогий»).

Глава 2 «Пророческие ряды как элемент структуры Корана» состоит из шести разделов: «Вводные замечания» «Раннемекканские суры», «Позднемекканские суры», «Мединские суры» и «Формульные элементы в построении пророческих рядов», «Выводы».

Во «Вводных замечаниях» дается определение термину «пророческий ряд», который понимается нами как упорядоченные и организованные упоминания о пророках или их истории⁴, построенные по одному композиционному плану, обладающие общими формульными элементами⁵, а также – часто, но не обязательно – имеющими общий зачин и/или концовку.

Пророческие ряды рассматриваются в двух аспектах: диахроническом и структурно-композиционном. Дело в том, что концепция пророческого ряда отчетливо эволюционирует от ранних мекканских сур, где мы можем говорить

⁴ См. об этом: Д.В. Фролов «Арабская филология. Грамматика. Стихосложение. Корановедение», ст. «Семантика мотива камня в Коране», с. 299-322, ст. «Размышления о суре Нух», с. 411-436.

⁵ О понятии формульных элементов в духе теории Парри-Лорда см. Дж.Т. Монроу «Устный характер доисламской поэзии. Арабская средневековая культура и литература», М., 1978, с. 93-142; А.Б. Куделин «Средневековая арабская поэтика», М., 1983, с. 46-56. Наше понимание близко к понятию «формульного словосочетания», примененного А.Б. Куделиным к анализу строя народного романа в: А.Б. Куделин. Формульные словосочетания в «Сират ‘Антар». – Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978, с. 84-105, см. также: А.Б. Куделин. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003, с. 321-345.

лишь о прообразе подобных рядов, к поздним мекканским сурам, и далее – к мединским сурам. В структурном же отношении пророческие ряды, которые обретают «классический» вид лишь в позднемекканский период, различаются как по форме, так и по составу. Именно на этом материале можно построить структурно-композиционную классификацию этих рядов на основе двух параметров: форма и состав.

По форме пророческие ряды делятся на два базовых (простых) вида:

А. Перечень имен пророков;

Б. Череда пророческих историй, как правило, имеющих форму притч.

По составу, который представляет собой тот или иной элемент исторической концепции ислама, нами выделены четыре основных типа, каждый из которых в отдельных случаях может быть осложнен определенными добавочными включениями:

1. Отвергнутые пророки, иногда без упоминания имен самих пророков, а только народов, к которым они были посланы. В этот ряд обычно включаются Нух, Худ, Салих, Лут, Шу‘айб, Муса;

2. Пророки завета, которые демонстрируют универсальность пророчества как фактора, определяющего развитие человеческой истории:

«Он узаконил для вас в религии то, что завещал Нуху, что открыли Мы тебе и что завещали Ибрахиму, и Мусе, и ‘Исе: «Держите веру прямо и не разделяйтесь в ней!»...» (42:13);

3. Пророки авраамического монотеизма, демонстрирующие преемственность и эволюцию пророчества в потомстве Ибрахима: Ибрахим, Исхак, Йа‘куб, Муса, ‘Иса⁶.

4. Универсальный пророческий ряд, начинающийся с Адама и завершающийся Мухаммадом, то есть в принципе охватывающий собой всех пророков, как названных в Коране, так и не названных.

⁶ Типы 2 и 3 довольно близки друг к другу по своему составу, и в первом варианте классификации мы выделяли не два, а один тип, однако более детальный анализ показал, что эти два типа все-таки различаются, хотя иногда и пересекаются и переплетаются между собой. Кроме того, именно тип 3 эволюционирует при переходе от мекканских к мединским сурам за счет включения в его состав Исма‘ила, прародителя арабов.

При анализе материала отдельных сур используется индекс пророческого ряда, например, **А-1** или **Б-3**, где буквы обозначают форму ряда (**А** – перечень имен пророков, **Б** – рассказы), а цифры – тип ряда с точки зрения состава.

Во втором разделе «Раннемекканские суры» проводится анализ материала раннемекканских текстов, содержащих истории и/или упоминания пророков. Анализ показал, что концепция и структура пророческого ряда еще только начинает складываться. В этом, самом раннем, пласте текста уже есть оба формальных вида пророческих рядов – и перечни имен (**А**), например, в сурах 85:17-18 и 87:18-19, и череда историй (**Б**), например, 69:4-10 и 89:6-12.

По составу в ранний период представлены два типа – отвергнутые пророки (тип **1**) и «миниряд», являющийся прообразом сразу двух типов, ряда пророков завета (**А/Б-2**) и пророков авраамического монотеизма (**А/Б-3**). Что касается универсального пророческого ряда (тип **4**), то в ранних текстах он отсутствует.

В текстах типа **1** (отвергнутые пророки) акцент сделан на аравийском материале: двое из трех упомянутых в раннемекканских пророческих рядах пророков, а точнее, народов, к которым они были посланы, являются аравитянами ('Ад и Самуд). Обращает на себя внимание тот факт, что в череде притч о «великих катастрофах» сами пророки не фигурируют, их имена не называются. Исключением являются только суры № 51 и 53, в которых упоминается имя Нуха, однако и здесь оно появляется только для того, чтобы обозначить его неверный народ. Таким образом, акцент в притчах сделан именно на наказании неверовавших, а не на миссии пророка. Это, по сути, прообраз ряда отвергнутых пророков (**А/Б-1**), который становится основным позднее.

Другой особенностью историй этого типа является неточное следование принятой в исламе хронологии ('Ад, Самуд, Фараон) – главного организующего принципа в пророческих рядах текстов более поздних периодов.

В примерах другого типа (тип **2/3**) хронология также еще не является организующим началом в построении ряда, и последовательность имен варьируется. Любопытно отметить, что во всех этих примерах отсутствует имя 'Исы, которое в ряду пророков писаний позднее становится почти обязательным.

В разделе «Позднемекканские суры» анализируются пророческие ряды текстов позднемекканского периода. В этот период происходит формирование концепции священной истории и ислама, воплощением чего и выступают пророческие ряды.

Ряды распределены следующим образом:

Тип **А-1** – в шести сурах (№№ 11, 14, 25, 29, 38, 50).

Тип **Б-1** – в одиннадцати сурах (№№ 7, 10, 11, 23, 25, 26, 27, 29, 37, 41, 54).

Тип **А-2** – в одной суре (№ 42).

Тип **Б-2** – не встречается ни разу.

Тип **А-3** – в двух сурах (№№ 12, 38).

Тип **Б-3** – не встречается ни разу.

Тип **А-4** – в двух сурах (№№ 6, 19).

Тип **Б-4** – в двух сурах (№№ 19, 21).

Легко заметить, что в данных текстах доминируют рассказы об отвергнутых пророках и погубленных за это народах, а также перечни в виде упоминания пророков, которых эти народы отвергли.

По два раза встречаются цепочки пророков авраамического монотеизма и универсального пророческого ряда, который обретает форму рассказа также в двух сурах.

Менее всего характерен для сур данного периода тип 2, упоминающий пророков завета. Пророческий ряд этого типа встречается в позднемекканских текстах один раз и только в виде перечня.

Помимо этих четырех основных типов состава ряда намечается еще и ряд устойчивых связей между отдельными пророками. Так обычно вместе упоминаются цари-пророки Дауд и Сулайман. Они чаще упоминаются внутри пророческого ряда (21:78-82; 27:15-44, 38:17-40), но иногда образуют и самостоятельный ряд (34:10-14).

В разделе «Мединские суры» дается анализ пророческих рядов мединского периода. Практически все они являются перечнями имен. Единственное исключение представляет собой только сура 61, однако и здесь ряд

классифицируется как промежуточный тип между чередой рассказов и простых упоминаний пророков.

Типы пророческих рядов распределены следующим образом:

А-1 (перечень имен отвергнутых пророков) – 9:70; 22:42-44;

А-2 (перечень пророков завета) – 33:7; 57:26-27, 61:5-6 (тип ряда данной суры является промежуточным между **А/Б-2**);

А-3 (перечень пророков авраамического монотеизма) – 2:133; 2:136; 2:140; 3:84; 4:163;

А-4 (перечень пророков универсального ряда) – 3:33-34; 4:163.

В плане содержания в мединских сурах ситуация совершенно иная, чем в сурах позднемекканских. Упоминания и рассказы об отвергнутых пророках переходят на второй план, уступая место ряду представителей авраамического монотеизма, причем на первое место выходят не сами пророки, а наказанные народы.

Мединские суры характеризуют следующие два момента:

1) акцент на самоопределении ислама как отдельной религии в ряду других монотеистических религий, в контексте чего особое значение приобретают фигура Ибрахима и подчеркивание прямой связи ислама с монотеизмом Ибрахима;

2) акцент на ниспослании Мухаммаду особого закона ислама, составляющего основное содержание большинства мединских сур.

В связи с первым моментом, на передний план выходит пророческий ряд, который выше был назван рядом пророков авраамического монотеизма (тип **А-3**), состав которого претерпевает существенное изменение. В ряд включается Исма‘ил, старший сын Ибрахима, прародитель арабов, и таким образом устанавливается концепция, согласно которой пророческой миссией могут быть наделены как потомки Исма‘ила (аравитяне), так и потомки Исхака (израильтяне). Эта концепция полемически направлена против библейской концепции, в которой пророчество связано лишь с одним коленом потомков Авраама. При этом утверждается приоритет аравийской линии монотеизма над

еврейской, что подчеркнуто устойчивой формулой **Ибрахим – Исма‘ил – Исхак – Йа‘куб** (2:136; 2:140; 3:84; 4:163), где имя Исма‘ила стоит строго по старшинству, прежде Исхака. Именно в мединских сурах эта формула выступает как сознательная модификация библейской формулы «**Бог отцов наших, Авраама, Исаака, Иакова**».

Интересно отметить, что в Коране существует так называемый женский ряд. Он представлен в мединской суре 66:10-12 и включает в себя следующие фигуры: жены пророков Нуха и Лута – жена Фараона – Марйам. Данный ряд представляет собой череду притч, состоящих из упоминаний двух неверных женщин (жены пророков) и двух праведных, одна из которых является женой страшного грешника – Фараона. Тем самым «женский ряд» имплицитно подчеркивает, что женщина в вопросе веры независима от мужчины и ее статус определяется по ее собственной вере, а не по вере мужа.

В разделе «Формульные элементы в композиции пророческих рядов» рассматриваются общие зачины и концовки, используемые в построении пророческих рядов и подчеркивающие смысловое и композиционное единство ряда.

В работе предлагается следующая классификация зачинов и концовок пророческих рядов:

1) Зачины и концовки ряда отвергнутых пророков и погубленных народов (тип 1), делятся на два вида:

- а) исторические примеры наказания;
- б) предупреждения о судном дне.

2) Среди зачинов и концовок, характерных для типов 2-4, тоже можно выделить два вида⁷:

а) зачины, содержащие формулу исповедания веры – веру в Аллаха и в ниспосланные Им через пророков откровения;

⁷ Правда, привязка этих видов зачинов только к упомянутым типам пророческих рядов является не столь жесткой, как в первом случае.

б) зачины, в которых утверждаются избранность пророков и дарование им откровения.

Такая унифицированность зачинов и концовок, варьирующих несколько повторяющихся тем, еще более подчеркивают формальную и смысловую завершенность ряда в структуре коранического текста.

В «Выводах» подытоживаются основные идеи предшествующих разделов главы.

В главе 3 **«Анализ версий рассказов о пророках в Коране»** проводится сопоставление различных версий одной пророческой истории с целью установить возможные закономерности в их сравнительных характеристиках. Глава состоит из четырех разделов: «Вводные замечания», «Анализ версий истории Адама», «Анализ версий истории Худа и Салиха», «Анализ версий истории Ибрахима», «Анализ версий истории Лута» и «Выводы».

Во «Вводных замечаниях» к главе говорится о том, что в работе подразумевается под термином «версии», который употребляется в случае наличия в кораническом тексте нескольких, не полностью тождественных друг другу, рассказов об одном и том же пророке. В разделе говорится о принципе отбора пророков для сравнительного анализа их историй. Это личности, с одной стороны, особо значимые для вероучения ислама, с другой стороны, имеющие несколько полноценных версий своей истории в Коране. Мы взяли пророков как «библейского цикла», так и внебиблейских персонажей: Адама, Худа, Салиха, Лута, Ибрахима.

Раздел «Анализ версий историй Адама» состоит из шести подразделов – эпизодов истории пророка: «Введение к рассказу», «Грехопадение Иблиса», «Изгнание Иблиса из рая, его просьба об отсрочке и обещание вредить людям», «Поселение Адама и его жены в раю и запрет», «Нарушение запрета и изгнание человека из рая» и «Заключительное обещание».

В подразделе «Введение к рассказу» приводится список сур, содержащих более или менее пространные версии истории Адама: 2:30-39; 7:11-25; 15:26-46; 17:61-65; 18:50-51; 20:115-124; 38:71-85. Введения к истории Адама есть в сурах

№ 2, 7, 15, 20, 38. В ходе их сопоставления нами были отмечены следующие моменты.

- В некоторых введениях можно выделить зачин, предваряющий вводную часть повествования. Зачины встречаются двух видов:

1) сообщение Аллаха о том, что Он сотворил человека (суры 15 и 7). Здесь выделяются два основных момента: а) джинны сотворены прежде человека; б) сотворены они из разного материала: человек – из глины, а джинны – из огня;

2) заключение завета Аллаха с человеком и нарушение Адамом завета. Этот зачин делает акцент на общем для трех религий моменте вероучения: первый завет Бога был заключен уже с первым человеком.

- Из трех более или менее пространных введений наиболее схожи по содержанию версии в позднемекканских сурах 15 и 38, которые состоят из таких общих моментов как намерение Господа создать человека, материал, из которого создан Адам, придание формы, вдохновение от духа Аллаха.

Введение к рассказу об Адаме мединской суры 2 построено по-иному. В нем есть ряд особенностей: а) отсутствие зачина; б) человек назван «наместником» (*khalīfa*); в) приводится диалог Аллаха с ангелами; г) в диалоге с ангелами содержится мотив «научения Адама именам», из анализа которого впоследствии выросли разные мусульманские теории происхождения языка.

В подразделе «Грехопадение Иблиса» анализируется рассказ о грехопадении Иблиса, заключающемся в ослушании повеления Господа поклониться Адаму.

Версии эпизода разнятся наличием или отсутствием:

- Характеристики проступка Иблиса. Она содержится только в двух сурах (№ 2 и 38), где сказано, что Иблис «возгордился» (*istakbara*).

- Квалификации согрешившего. В сурах № 2 и 38 сказано, что в результате отказа поклониться Иблис «оказался неверным (*кафиром*)».

- Мотивировки отказа Иблиса. Мотивировка проступка двойка: во-первых, Иблис отказался поклониться Адаму, считая, что он лучше человека, которого

Аллах создал из глины (суры № 7, 15, 17, 38); во-вторых, проступок Иблиса связан с его происхождением: он был джином.

Эпизод «Изгнание Иблиса из рая, его просьба об отсрочке и обещание вредить людям» композиционно занимает разное место в структуре повествования. В четырех сурах он предшествует поселению Адама и Евы в рай и всем последующим событиям – 15:34-40; 7:13-17; 38:77-83; 17:62. В трех изгнание Иблиса совмещено с изгнанием человека из рая и занимает место после всех событий, происшедших в раю – 7:24, 2:26, 20:123. Композиция эпизода в сурах 15, 7, 38 четко следует схеме: изгнание – просьба об отсрочке – обещание погубить людей. Версию суры 17 можно считать сокращенным вариантом этой схемы: до просьбы об отсрочке отсутствует указание на изгнание Иблиса, а обещание погубить людей совмещено с просьбой об отсрочке.

Эпизод «Поселение Адама и его жены в рай и запрет» описывается в сурах 7:19; 2:35; 20:117-119, где версии сур № 2 и 7 построены по одной схеме и практически идентичны. Версия суры 20 отличается наличием мотива предупреждения Адама против Иблиса. Кроме того, в ней не говорится прямо о поселении в рай: Адам и Ева просто оказываются пребывающими там.

В подразделе «Нарушение запрета и изгнание человека из рая» анализируется рассказ о грехопадении человека, который в Коране упомянут в сурах 7:20-25; 2:36-37; 20:120-123. Наиболее подробное описание событий фрагмента дается в суре 7, в которой рассказывается об упреке, сделанном Господом человеку заслушание, а самое лаконичное – в суре 2.

Подраздел «Заключительное обещание» представляет собой эпизод обещания наказания грешников геенной и содержится во всех сурах, рассказывающих историю первого человека, за исключением 7-й. Некоторые из версий, в частности суры 2, 15, и 20, упоминают и о награде праведникам.

В разделе «Анализ версий истории Худа и Салиха» говорится о том, что упоминания о двух древнейших арабийских пророках – Худе и Салихе – в раннемекканских текстах Корана образуют «двуединую» историю, в которую иногда вплетается еще упоминание и «народа Фараона», то есть египтян. В более

поздних текстах каждая из историй обособляется и рассказывается отдельно, и тогда в каждой истории появляются свои специфические детали, отличающие их друг от друга. В этой связи для нашего анализа мы разделили все истории о Худе и Салихе на три группы: «Ранние версии, рассказывающие о Худе и Салихе вместе», «Поздние версии истории Худа» и «Поздние версии истории Салиха».

В подразделе «Ранние версии, рассказывающие о Худе и Салихе вместе» проанализированы наиболее ранние коранические тексты, содержащие историю этих пророков. Для нашего разбора мы сгруппировали истории в таблицы: а) ранние версии общего рассказа о народах 'Ад и Самуд (суры 41:13-18; 69:4-8; 89:6-14); б) начало формирования отдельных версий историй народов 'Ад и Самуд (суры 51:41-45; 54:18-32; 91:11-15). Во всех этих рассказах отсутствуют имена Худа и Салиха – вместо них в каждой версии называются их народы – 'Ад и Самуд. Таким образом, можно сделать вывод, что на данном, раннем этапе формирования рассказа акцент сделан не на пророках, а на погибших за грехи народах.

В «Поздних версиях истории Худа» разбирается история пророка, изложенная в сурах: 7:65-72; 11:50-60; 26:123-139; 46:21-26. Версии этого периода более объемные, по сравнению с предыдущим периодом, и более содержательные. Структурно они делятся на три части: введение – основная часть (проповедь и полемика) – заключение (сообщение о наказании). В центре повествования, прежде всего, проповедь пророка и полемика народа с ним. Композиция рассказов является типичной для всех историй о пророках «великих катастроф»⁸ и опирается на следующую схему: приход пророка с миссией – проповедь с призывом к вере в Аллаха – отказ принять пророка и угрозы – наказание неверного народа.

Содержание проповеди Худа во всех поздних рассказах одно и то же, а центральной ее темой является призыв к *таухиду*, т.е. единобожию. Практически обязательными элементами проповеди становятся упоминание о милости,

⁸ Термин М.Б. Пиотровского.

которой Аллах облагодетельствовал ‘адитов, и предупреждение о наказании за неверие – более развернутое, чем в ранних текстах.

Для поздних повествований о пророке характерны следующие моменты:

- сдвиг акцента с погибшего народа на «непринятого» пророка: главным действующим лицом становится Худ, а не его народ, как это было в ранних рассказах;

- рассказ о Худе приведен как самостоятельный элемент повествования, без параллельного упоминания другого пророка или народа;

- основную часть рассказа составляют проповедь пророка Худа и полемика его народа с ним, а не повествование о наказании народа;

- в двух сурах из четырех (№ 7 и 11) говорится не только о наказании отказавшихся признать пророка, но и о спасении уверовавших.

В «Поздних версиях истории Салиха» разбираются рассказы, содержащиеся в сурах: 7:73-79; 11:61-68; 26:141-158; 27:45-53. Как и в случае с Худом, в данных версиях появляются новые элементы, отличающие поздние рассказы о Салихе от ранних. Во-первых, появляется имя пророка, и таким образом главным действующим лицом становится Салих, а не его неверный народ. Во-вторых, история Салиха и его народа рассказывается отдельно от историй других пророков и народов. В-третьих, появляется мотив спасения праведников от наказания, постигшего грешников. Как можно заметить, данные мотивы в позднемекканских версиях истории Салиха совпадают с аналогичными элементами в истории Худа. Еще одной общей чертой, объединяющей истории двух пророков, является проповедь *таухида* – единобожия (суры № 7, 11, 27).

Структурно поздние рассказы о Салихе делятся на три части: введение – основную часть – заключение. Основная часть включает в себя: проповедь, в которой содержится призыв к вере в Аллаха; полемику народа с Салихом и/или с уверовавшими в пророка праведниками; новый элемент – сообщение о грехе Самуда, который в трех версиях (суры № 7, 11, 26) описывается как убийство верблюдицы, а в одной (сура № 27) – как замышление убийства пророка Аллаха;

наказание, которое, как и в ранних версиях, состоит из двух этапов: испытания в виде верблюдицы и уничтожения неверных.

Раздел «Анализ версий истории Ибрахима» посвящен анализу рассказов о жизни Ибрахима и его пророческой деятельности. В Коране образ этого пророка подается в двух плоскостях – как отвергнутый пророк и как основоположник истинного монотеизма – и раскрывается в двух обособленных, не связанных между собой сюжетах. В нашей работе мы рассматриваем оба варианта рассказа об Ибрахиме в подразделах «Ибрахим – отвергнутый пророк» и «Ибрахим – основоположник истинного монотеизма». Есть еще один рассказ о пророке – это история гостей Ибрахима. Этот рассказ тесно связан с историей другого пророка – Лута – и в нашей диссертации разбирается в соответствующем разделе главы.

В подразделе «Ибрахим – отвергнутый пророк» рассказы поделены на две группы: 1) рассказывающие о противостоянии Ибрахима идолопоклонникам (21:51-72; 29:16-27; 37:83-98); 2) содержащие только проповедь пророка, обращенную к отцу и народу (6:74-84; 19:41-50; 26:69-89; 43:26-28; 60:4-5).

Композиция сур первой группы в основном совпадает и состоит из следующих общих эпизодов: проповедь Ибрахима народу, содержащая призыв уверовать в Единого Бога; уничтожение идолов (отсутствует в суре 29); намерение идолопоклонников сжечь Ибрахима на костре; спасение Ибрахима и переселение его на другую землю; дарование праведного потомства. Таким образом, взгляд на Ибрахима как на борца с идолопоклонничеством сближает его историю с историей отвергнутых своими народами пророков («пророков катастроф»). Правда, в Коране нет рассказа об уничтожении народа Ибрахима за неверие – эпизод, важный для «пророков катастроф», однако намек на наказание содержится в ряде сур (см. 9:70; 22:42-44; 37:98).

К этой же группе, содержащей мотив противостояния идолопоклонникам, могут быть отнесены и айты мединской суры «Корова» (2:258; 2:260), вводящие два новых элемента. В аяте 2:258 Ибрахим в споре с неназванным по имени персонажем о том, кто умерщвляет и оживляет людей, предлагает оппоненту вывести солнце с запада. Аят 2:260, продолжающий тот же сюжет, рассказывает

о том, как Ибрахим попросил Господа показать ему оживление мертвых, и Аллах оживил четырех птиц.

Рассказы сур второй группы композиционно схожи и содержат такие общие элементы, как: проповедь Ибрахима (№ 6, 19, 26), в которую в двух случаях встроена полемика отца с сыном (№ 19, 26); отречение от идолопоклонников; мольбу пророка о прощении за несправедного родителя⁹; дарование праведного потомства (№ 6, 19).

Об Ибрахиме как борце за единобожие упоминается еще в двух контекстах: 9:70 и 22:42-44.

В подразделе «Ибрахим – основоположник истинного монотеизма» рассматривается другой взгляд на Ибрахима – как установителя религии Аллаха. Коран часто называет пророка «ханифом» (*ḥanīf*, см. 2:135; 3:67; 3:95; 4:125; 6:79; 6:161; 16:120; 16:123), что означает «истинно верующий в единого Бога», а также «другом Аллаха» (*khalīl Allah*, см. 4:125; 17:73), потому что пророк усердствовал в повиновении и поклонении Господу. Истинный, изначальный монотеизм в Коране неоднократно именуется «религией Ибрахима» (*millat Ibrāhīm*, см. 2:130; 2:135; 3:95; 4:125; 12:38; 16:123; 22:78). Ибрахим был первым, кто предался Богу (*aslama*, см., напр., 4:125; 37:103), а последователей его религии стали называть ханифами и *muslimūn*, т.е. «предавшиеся».

Образ Ибрахима как основателя веры, ханифа, появляется уже в позднемекканских сурах (6:161; 16:120; 16:124) и развивается в текстах мединского периода, в которых подчеркивается, что он был именно ханифом, а не иудеем или христианином (2:135; 3:65; 3:67).

⁹ Согласно мусульманской традиции, уверовавшему не разрешается обращаться к Аллаху с просьбой о прощении многобожников, даже если его связывают с ними родственные отношения. В Коране сказано: «Не следует пророку и тем, которые уверовали, просить прощения для многобожников, хотя они были родственниками, после того как стало ясно для них, что они – обитатели огня» (9:113). Об этом говорится и в хадисе, согласно которому пророк Мухаммад однажды сказал: «Я спросил у моего Господа позволения просить прощения своей матери, и Он не разрешил мне. Я попросил у Него позволения посетить ее могилу, и Он позволил мне» (См. «Сахих Муслим», пер. с арабского С. Попова. Казань, 2005 г., с. 283). В суре «Поэты» говорится о том, что пророк Ибрахим все же молился за прощение грехов своего отца (26:86), однако его молитва была лишь выполнением обещания, которое он давал ранее (19:47; 60:4): «И просьба Ибрахима о прощении отцу была только согласно обещанию, которое он ему обещал. Когда же ему стало ясно, что он – враг Аллаха, он отказался от него...» (9:114).

Большое значение для самоопределения ислама как религии имеет особо акцентируемая связь пророка с аравитянами. Именно Ибрахим вместе со своим старшим сыном Исма‘илом восстановил священный «дом Аллаха» в Мекке, Ка‘бу, и очистил ее от идолов (2:125; 2:127; 22:26).

В разделе «Анализ версий истории Лута» отмечается, что история Лута построена по тому же принципу, что и другие рассказы об отвергнутых пророках, и укладывается в общую схему: появление пророка среди неверного народа и призыв следовать прямому пути – отказ повиноваться пророку – наказание грешников и спасение праведников.

В Коране можно выделить два типа рассказов о Луте: 1) связанные с историей Ибрахима (№ 11, 15, 29, 51); 2) повествующие исключительно о Луте и его народе (№ 7, 26, 27, 37, 54).

Практически все рассказы первой группы сур являются позднемекканскими, за исключением суры № 51, которая относится к раннему мекканскому периоду и отличается от других глав группы тем, что в ней пророк Лут ни разу не упомянут по имени, и в версии не конкретизируется, в чем именно заключался грех народа Лута.

Все рассматриваемые суры, за исключением 29-й, начинаются одинаково – упоминанием о визите ангелов в дом Ибрахима. Что касается суры 29, то в ней рассказ о гостях Ибрахима как бы встроен в историю Лута, а не предваряет ее. Эпизоды версий данной группы содержат такие общие элементы, как: приход ангелов в дом Ибрахима с благой вестью и сообщение о наказании развратного народа, предупреждение Лута ангелами о предстоящем уничтожении грешников, гибель неверных и спасение праведников.

Истории Лута в версиях сур второй группы содержит такие элементы, как: проповедь Лута с обличением греха народа, полемика народа с пророком и отказ повиноваться ему, спасение праведников и гибель грешников. Однако композиция и содержание этих версий не всегда совпадают: в более ранних сурах (№ 37, 54) рассказ включает в повествование только сам факт неприятия пророка и уничтожения за это неверных. В более же поздних текстах (№ 7, 26,

27) содержатся такие эпизоды, как проповедь обращение Лута с проповедью к своему народу, который он упрекает в разврате, и отказ народа повиноваться пророку, а также угрозы изгнания Лута из селения.

Проанализировав обе группы рассказов о Луте – как продолжения истории Ибрахима и как самостоятельного повествования – мы сделали следующие выводы. Во-первых, оба варианта имеют совпадающие элементы. Так, начальная обличительная проповедь Лута есть в одной сура первой группы (№ 29) и в трех сурах второй группы (№ 7, 26, 27). Вариация концовки трех сур первой группы появляется в одной сура второй группы (№ 26). Во-вторых, хотя композиция истории Лута во всех версиях более или менее соответствует общей схеме рассказов о «пророках великих катастроф», индивидуальные различия между версиями довольно велики. В-третьих, мотив пребывания ангелов в доме Лута появляется только при упоминании об их визите ранее к Ибрахиму, которому они сообщают о своих планах в отношении народа Лута¹⁰. В-четвертых, обращение пророка Лута к жителям своего селения имеет разные формы. В одном случае, более частотном в первой группе сур, речь Лута облечена в форму просьбы не трогать его гостей, а во втором, чаще встречающемся во второй группе, слова пророка выглядят как проповедь, в которой он упрекает народ за распутство.

В «Выводах» подводится итог проанализированному в главе материалу, и отмечается, что:

- особенностью поэтики Корана является варьирование сюжета о том или ином пророке, причем в отдельных случаях мы можем говорить о наличии единой сюжетной канвы, а в других – о наличии нескольких не сводимых друг к другу версий рассказа;

- в отдельных случаях истории разных пророков сплетаются и переплетаются между собой настолько, что разделить их практически невозможно;

¹⁰ Исключением является только сура 54, где говорится о гостях Лута. Однако и в ней не сообщается, с какой целью эти гости посетили Лута.

- иногда можно отметить корреляцию между конкретной версией рассказа и содержанием и композицией суры, в которую он входит. В частности, большое влияние оказывает тот факт, входит или нет данная версия рассказа в «пророческий ряд». Если да, то построение ряда оказывается важным фактором, воздействующим на специфику рассказа о пророке, поскольку, как мы видели, ряды в целом тяготеют к единообразию содержания и стилистики входящих в него историй.

Глава 4 «Сводные коранические истории пророков Мусы и ‘Исы» состоит из четырех разделов: «Вводные замечания», «История Мусы», «История ‘Исы» и «Выводы».

В разделе «Вводные замечания» говорится о возможности еще одного подхода к анализу пророческих историй: когда все версии повествования о том или ином пророке сводятся в единый целостный рассказ, который в работе называется «синоптическим», представляющий в обобщенном виде взгляд писания и учения ислама на роль и место этого пророка в истории пророчества.

Для нашего анализа мы выбрали сводные истории двух наиболее значимых, после Мухаммада, фигур мусульманского вероучения, основоположников родственных исламу монотеистических течений – иудаизма и христианства – Мусы (Моисея) и ‘Исы (Иисуса). Согласно кораническому учению, миссия упомянутых пророков непосредственно подготавливала утверждение веры ислама, а ниспосланное им писание находит тождество и утверждение своей истинности в священной Книге мусульман.

В разделе «История Мусы» приводится список сур, содержащих историю Мусы и его брата Харуна. Сводный рассказ, составленный из разных версий, разделен нами на следующие эпизоды: самообожествление Фараона и его злодеяния; рождение и чудесное спасение младенца; убийство египтянина; бегство Мусы; призвание и первое откровение; дарование пророчества Харуну; прибытие к Фараону; состязание с волхвами и наставление египтян; испытания народа Фараона; исход из Египта; наказание неверных и обращение Фараона в веру Мусы; благодеяния в пустыне; встреча с идолопоклонниками и просьба

народа сделать для них изваяние Бога; дарование закона; поклонение золотому тельцу и наказание отступников; корова; сорокалетнее странствие; вступление в землю обетованную; Муса и Хидр.

При сведении всех версий истории Мусы в единый рассказ мы сопоставили коранический и библейский текст о Моисее и нашли как общие мотивы, так и существенные расхождения. Так, общими для писаний являются фрагменты, рассказывающие о рождении Мусы и его чудесном спасении, даровании пророчества Харуну, исходе из Египта и благодеяниях в пустыне, сорокалетнем странствии и вступлении в обетованную землю. А вот такие эпизоды коранического рассказа, как встреча Мусы с Праведником (в предании он назван по имени – Хидр) и фрагмент о просьбе израильтян, обращенной к Мусе, сделать для них изображение Бога (не тождественный сюжету об изготовлении золотого тельца, который есть и в Библии и в Коране), в Библии отсутствуют.

При совпадении эпизодов в писаниях существуют свои особенности. Это могут быть как незначительные расхождения, например, отсутствие в кораническом рассказе упоминания неопалимой купины или расхождение в количестве и составе казней египетских, так и более значимые различия. Пожалуй, главным из них является формулировка пророческой миссии, возложенной на Моисея: в библейской традиции она состоит в том, чтобы вывести свой народ из Египта, а в Коране миссия Мусы, помимо этого, заключается еще и в призыве израильтян и Фараона к единобожию.

Можно отметить и другие различия в трактовке совпадающих эпизодов:

- при упоминании о злодеяниях Фараона в священном писании ислама утверждается, что Фараон совершил самый тяжкий грех, объявив себя богом, тогда как в Библии этот мотив отсутствует;

- в кораническом варианте действует один и тот же Фараон, бесчинствовавший в начале рассказа и погубленный в конце, тогда как в библейском варианте сообщается о воцарении нового Фараона;

- в отличие от коранической версии, в библейской истории нет мотива обращения Фараона перед гибелью в истинную веру, также как нет упоминания о принятии веры Аллаха некоторыми египтянами и состязавшимися с Моисеем волхвами;

- убийство Моисеем египтянина в Библии трактуется как намеренное, а в Коране – как случайное;

- в Ветхом Завете золотого тельца изваял Аарон, а в Коране – самаритянин. Подобная кораническая трактовка, как и в упомянутом выше случае, связана с мусульманским учением о непогрешимости пророков: божий избранник не способен сознательно ни совершить убийство, ни изваять идола для поклонения;

- «рыжая телица», эпизод с которой в обоих писаниях выделяется от общего повествования о Моисее, в Ветхом Завете является частью закона – предписанием особенного очищения для людей, прикоснувшихся к могиле или мертвому телу, тогда как в Коране с ее помощью раскрывают совершенное среди израильтян убийство.

В разделе «История 'Исы» говорится, что 'Иса в мусульманской традиции занимает особое место: он – пророк и посланник, взятый живым на небо, последний пророк, пришедший до Мухаммада и предсказавший его пророчество, и тот, кто должен прийти во второй раз, предвещая наступление Судного дня. Однако, несмотря на особое значение фигуры этого пророка для ислама, в самом тексте Корана рассказ о нем не столь детализирован, как это было в случае с Мусой.

История 'Исы поделена нами на следующие эпизоды: рождение Марйам; благочестие Марйам; Благовещение; рождение 'Исы; пророческая миссия и чудеса 'Исы; Вознесение 'Исы; второе пришествие 'Исы.

Мы сопоставили сведенный воедино коранический материал с библейским текстом и сделали следующие наблюдения.

Эпизоды, из которых состоит повествование о 'Исе, в целом совпадают с библейской версией рассказа об Иисусе Христе. Исключением являются фрагменты, посвященные матери 'Исы – Марйам, истории ее рождения и

воспитания в храме, не упоминаемые в канонических евангелиях. Однако информация о детстве Марии и периода ее пребывания в храме, содержится в не вошедших в Новый Завет протоевангелиях и, с небольшими различиями, соответствует кораническому рассказу.

Еще один фрагмент, отличающий кораническую версию от библейской, также связан с Марией. Так, в Новом Завете нет эпизода о том, как люди упрекали Марию в распутстве, потому что ко времени рождения Иисуса она уже была замужем за Иосифом. В Коране же Марьям родила сына без мужа, а для того чтобы люди не упрекали ее в распутстве, Всевышний даровал 'Исе способность говорить в колыбели, чтобы он мог защитить свою мать.

Остальные эпизоды – Благовещение, чудеса, Вознесение, упоминание о втором пришествии – в обоих писаниях практически полностью совпадают и одинаково трактуются как в христианской, так и в мусульманской традициях. Единственным расхождением, ставшим главным идеологическим отличием двух вероучений, является разный подход к эпизоду распятия. В отличие от библейской версии, коранический вариант истории Христа отрицает факт смерти 'Исы на кресте и последующего его воскресения, хотя в Коране и упоминается о том, что против пророка замыслилось убийство.

Заключение.

Повествования о пророках являются важным элементом композиции коранического текста. Целью нашего исследования было определить, как в Коране излагается история пророков, выявить, есть ли в построении рассказов свои закономерности, существуют ли у них общие формульные элементы, как пророческие истории участвуют в построении коранического текста и какое место они занимают в структуре коранической проповеди, можем ли мы говорить об определенной эволюции пророческой темы от ранних, мекканских до поздних, мединских сур.

Анализ материала рассказов о пророках, проделанный в работе, позволил нам сделать ряд выводов, которые мы выносим на защиту:

1) Коранический текст, а вслед за ним и мусульманская наука, исходит из того, что общее число пророков и посланников в истории человечества является в принципе открытым, и о многих из них ни в Коране, ни в истории не осталось следов и свидетельств. Вместе с тем, число пророков, упомянутых в Коране, строго ограничено. Ученые исходят из того, что всего в Коране упомянуто 25 пророков, включая самого Мухаммада. Однако, как показано в работе, наряду с ними, в Коране есть ряд персонажей ('Узайр, Тубба', Зу-л-Карнайн), пророческий статус которых остается неопределенным. Иными словами, одни мусульманские авторитеты признают за ними пророческий статус, другие – нет.

2) Анализ материалов о пророках в Коране из трактата Суйути «Совершенство в коранических науках», равно как и замечания, разбросанные по тексту диссертации, показывают, что классическая мусульманская наука имела достаточно хорошее знание о содержании библейского текста и использовала библейские сведения, иногда полемизируя с ними, в построении учения о пророках, закладывая, таким образом, фундамент для сравнительного изучения пророческих повествований и в целом концепции священной истории, которому много внимания уделяет современная наука.

3) Такое специфическое явление построения коранического текста как «пророческие ряды» (понятие обосновано и предложено нами) занимает важное место в Коране: из 49 коранических глав, в которых содержатся упоминания пророков и рассказы о них, пророческие ряды встречаются в 32 сурах. Это однозначно показывает, что выделенное нами явление далеко не случайно, оно воплощает в себе определенную историческую концепцию, которая, раз за разом, закреплялась посредством коранической проповеди. То же самое подчеркивает и обилие формульных элементов в построении пророческих рядов, которые однозначно показывают, что они сознательно выстроены, что это не просто случайная подборка рассказов и притч, а воплощение этапов пророческой деятельности как мотора и указателя хода истории. Наш анализ показал, что в большинстве коранических сур, содержащих упоминания пророков,

повествования обладают необыкновенной схожестью, имеют единую композицию, тематику, единообразные формульные элементы.

4) Материал, проанализированный в работе, показывает, что явление «пророческих рядов» сложилось в коранической проповеди не сразу, что раннемекканские суры дают нам лишь прообразы некоторых типов рядов, содержащие очень небольшое количество имен, и не имеющие еще классического вида, который они обретают в позднемекканских и мединских сурах. В частности, ряд отвергнутых пророков в раннемекканских текстах, собственно говоря, может быть назван пророческим рядом лишь условно, только в свете его последующей эволюции, ибо самые ранние его образцы – это, скорее, череда наказанных народов, где акцент сделан на наказании, а не на пророческой проповеди.

5) На основании исследования материала пророческих рядов в работе предлагается следующая их классификация:

По форме:

А. Перечень имен пророков;

Б. Череда пророческих историй, как правило, имеющих форму притч.

По составу:

1. Отвергнутые пророки, в число которых обычно включаются Нух, Худ, Салих, Лут, Шу‘айб, Муса;

2. Пророки завета, в число которых включаются обычно Ибрахим, Муса, ‘Иса, и, естественно, Мухаммад как завершающее звено.

3. Пророки авраамического монотеизма, демонстрирующие преемственность и эволюцию пророчества в потомстве Ибрахима: Ибрахим, Исхак, Йа‘куб, Муса, ‘Иса.

4. Универсальный пророческий ряд, начинающийся с Адама и завершающийся Мухаммадом, то есть в принципе охватывающий собой всех пророков, как названных в Коране, так и не названных.

Соотношение между этими типами зависит от того, к какому периоду – раннемекканскому, позднемекканскому или мединскому – принадлежит та или

иная сура, включающая в себя истории или упоминания пророков. Так, в мекканских текстах через пророческие ряды воплощается одна из главных задач коранического учения – формирование концепции священной истории и ислама. Поэтому повествования в подавляющем большинстве ранне- и позднемекканских сур посвящены отвергнутым пророкам и их погубленным народам. В мединский же период, в который происходит самоопределение ислама как религии и установление его законов, пророческие ряды служат одним из средств для достижения этого.

В плане содержания в мединских сурах упоминания и рассказы об отвергнутых пророках переходят на второй план, уступая место ряду представителей авраамического монотеизма, причем в обоих случаях на первое место выходят не сами пророки, а наказанные народы. Другими словами, начало эволюции концепции ряда совпадает с его концом, круг, так сказать, замыкается.

б) Анализ версий рассказов о пророках в Коране на примере историй Адама, Худа, Салиха, Ибрахима и Лута, показал, что соотношение между версиями может быть различным: в одних случаях рассказ может практически совпадать, различаясь лишь наличием или отсутствием некоторых дополнительных эпизодов или элементов; в других случаях версии практически невозможно свести к единому сюжету. Причины этого и связь данного явления с личностью пророка, или со временем появления разных версий, или со структурой и содержанием суры, которая выступает по отношению к версии в качестве рамочной структуры нуждаются в дополнительном исследовании, хотя некоторые соображения на этот счет были высказаны в работе, но сам факт неслучайности расхождения разных версий, как установлено в работе, очевиден. В частности, композиция рассказа часто зависит от его принадлежности к пророческому ряду, который, как показал наш анализ, влияет на содержание и стилистику каждой отдельной истории, входящей в его состав.

Анализ показал, что особенностью поэтики Корана является и то, что истории некоторых пророков тесно переплетены между собой, сливаясь в единое повествование, и встречаются даже ситуации, когда отдельный эпизод истории

пророка, входящий в состав другого повествования, обособляется от основного рассказа об этом персонаже.

7) Реконструкция сводных версий историй Мусы и 'Исы показала, что различные версии рассказа дополняют друг друга новыми деталями, эпизодами, и что наряду с многочисленными параллелями, общей сюжетной линией, в кораническом повествовании есть и свои особенности, связанные не только с незначительными различиями в деталях, но и с трактовкой образов этих пророков, их ролью в священной истории, пониманием сути их служения.

Так, основным отличием в понимании образа Мусы в кораническом учении является тройственная задача его пророческой миссии, заключающаяся не только в том, чтобы вывести свой народ из Египта, как об этом говорится в Библии, но еще и в призыве к единобожию как уверовавших израильтян, так и неверного Фараона. В истории же Иисуса главным отличием двух традиций является разный подход к вопросу о распятии и смерти пророка, которые в кораническом учении отрицаются.

Как уже было сказано во введении, учение о пророках в разных религиозных традициях не ограничивается священными текстами. Этому вопросу посвящены самые разные жанры ближневосточной литературы, начиная с трактатов по всемирной истории от сотворения мира и специального жанра, посвященного историям древних пророков (*кисас ал-анбийа'*), и заканчивая различными богословскими трудами и философскими сочинениями, включающими в себя раздел о пророках. Каждый из этих жанров и место пророческой темы в нем, несомненно, представляют большой интерес как для исследователя, так и для читателя. Однако рамки нашей диссертации не позволили нам охватить их в работе. В дальнейшем мы надеемся посвятить всем этим жанрам особое внимание в наших исследованиях.

Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:

1. Образы пророков в Коране. М., 2002 (монография).
2. Первые пророки (Адам, Шис и Идрис) в Коране и Предании. – Ислам: религия, культура, язык. Вып. 1. М., 2001, с. 58-79.
3. О встречающихся в Коране именах, куньях и титулах. Имена пророков и посланников в Коране. – Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках. Выпуск четвертый. Учение о понимании смыслов Корана. Вступительная статья и общая редакция Д.В. Фролова. М., 2005, с. 152-162 (комментарии: с. 255-265).
4. Пророческие ряды в Коране. – Вестник МГУ. Сер. 13 «Востоковедение», 2007, № 3, с. 15-34.